

Шан Ханьчжи проспала до самого полудня и проснулась лишь тогда, когда солнечные лучи, пробившись сквозь оконную решетку, коснулись её лица.

Она сладко потянулась, чувствуя, как каждая косточка в теле наполняется легкостью.

— Аромат свободы, как же он прекрасен!

Прогулка с фонарями удалась на славу, все дела были улажены, а Лунси оказался на редкость полезным и ненавязчивым инструментом. Глядя на эту беззаботную, полную роскоши жизнь, она невольно подумала, что всё складывается даже лучше, чем ожидалось.

Просто сказка, а не жизнь!

— Восьмерка, просканируй-ка, этот утренний сеанс солнечных ванн засчитывается как пополнение энергии для твоей хозяйки?

Она перешучивалась с системой у себя в голове.

Система 886 отозвалась:

— Уважаемая хозяйка, мы — серьезная система, фотосинтезом не занимаемся... Ой? Зафиксирован зашкаливающий уровень дофамина. Так держать, дорогая!

Шан Ханьчжи рассмеялась и вскочила с постели, словно пружина. Её бодрый вид не укрылся от прислуживающих девушек, среди которых была Чжюнь.

— Сегодня у госпожи такой цветущий вид! — Чжюнь, улыбаясь, собирала её волосы. — Щеки розовые, сразу видно, что на душе тепло.

Её руки двигались с особой нежностью.

Цайюнь принесла платье из желтого шелка, расшитое серебряными бамбуковыми листьями, и с лукавой улыбкой заметила:

— Стоит госпоже повеселеть, как во всей комнате становится светлее.

Люйюнь, сверяя записи в гроссбухе, добавила с улыбкой:

— Здоровье госпожи — это счастье для всей усадьбы.

Даже молчаливая Ваньюнь позволила себе шутливо заметить:

— Вчера госпожа гуляла с Ванье среди фонарей, должно быть, искренность принесла плоды, и

божества защитили вас — посмотрите, как прояснился ваш взгляд.

Шан Ханьчжи, вертевшая в руках заколку с зимородком, чуть не ткнула себя ею в лоб. Её победоносная улыбка застыла! Лицо мгновенно вспыхнуло до самых ушей. Она грозно взглянула на Ваньюнь и повысила голос:

— Хватит выдумывать! Просто выходила подышать свежим воздухом!

Тон был суровым, но внутри она чувствовала себя неуверенно. Черт возьми, ведь это глубокий тыл аристократического поместья, где у каждого слуги радар на сплетни! Если они увидят её в таком приподнятом настроении, не решат ли, что любовь стала для неё лучшим лекарством?

Остальные девушки, глядя на то, как их госпожа пытается сохранить невозмутимость, превратившись в нахохлившегося котенка, прятали улыбки и опускали головы.

В этот момент вошла Матушка Бай с целебным отваром. Её лицо было суровым, а взгляд острым, как нож:

— Что, кости зачесались? Решили с самого утра чесать языками и мешать покою госпожи?

Девушки мгновенно притихли. Шан Ханьчжи только вздохнула с облегчением и взяла чашу, как вдруг:

— Пфф — кхе-кхе-кхе...

Стыд и внезапный испуг от того, что её вызвали к матери, наложились друг на друга, и она закашлялась так, что искры из глаз полетели. В ту же секунду Чжиюнь молниеносно подхватила чашу, чтобы та не упала, и принялась профессионально похлопывать её по спине. Вторая горничная, Хунцзянь, бесшумно протянула мягкий платок. Маленькие служанки у дверей затаили дыхание.

Все движения были отточены до совершенства, демонстрируя, насколько глубоко в слугах усадьбы Шан укоренилась привычка опекать свою хрупкую госпожу.

— Госпожа, не торопитесь, это мы виноваты, что разболтали лишнее, — Чжиюнь, поглаживая её по спине, корила себя. — Дышите глубже, я сейчас принесу свежий отвар.

Она взглянула на Хунцзянь, приказывая той поторопиться.

Шан Ханьчжи, несмотря на жжение в горле, подумала: неужели и Принцесса Хэшунь в курсе? Неужели слухи дошли до самых верхов? Неужели сейчас начнется семинар на тему сердечных дел?

С трудом подавив кашель, она обнаружила, что лицо её покраснелось, как персик. Решив

выдать это за естественный румянец, она поправила причёску и с видом человека, идущего на пир Хунмэнь, отправилась в главные покои.

К счастью, допрос с пристрастием не состоялся.

Принцесса Хэшунь, выглядевшая слегка утомленной, полулежала на кушетке. Она мягко задала пару вопросов, а затем подала знак главной служанке принести тонкую папку. Оказалось, что в её приданом, в одном из поместий, случились неполадки: управляющий начал воровать, что вызвало недовольство среди крестьян. Принцесса решила проверить, как её дочь справится с этой проблемой.

— Что ты думаешь, Ханьчжи? Как нам поступить, чтобы всё уладить?

Шан Ханьчжи слегка нахмурилась. В её голове опыт современного менеджмента столкнулся с тактикой борьбы в богатом доме. Она четко и по порядку начала излагать:

— Во-первых, нужно провести проверку. Отправить надежного управляющего с бухгалтером в поместье, чтобы досконально изучить отчеты и опросить людей. Если выяснится, что наглый слуга действительно обкрадывал хозяйку и притеснял народ, его нужно немедленно схватить! Взыскать украденное, уволить и сурово наказать. Во-вторых, нужно успокоить людей. Пострадавшим крестьянам вернуть всё до последней монеты, а также частично простить зимние долги, чтобы унять их гнев. Пусть соседи знают, что дом Шан милосерден. В-третьих, заняться делами после. Назначить на время честного человека, знающего толк в земледелии, а надежного управляющего обязать проводить регулярные инспекции. И наконец... — она с надеждой посмотрела на мать, — всё мое имущество — лишь благодаря вашей заботе, матушка. Положимся на ваше мудрое решение.

Её слова были безупречны: она проявила и милосердие, и строгость, а в конце не забыла оставить место для наставления руководителя.

В глазах Принцессы Хэшунь засияло удовлетворение. Она редко выражала похвалу так искренне:

— Хорошо. Ты всё продумала, проявила рассудительность и твердость.

Она похлопала Ханьчжи по руке и с довольной улыбкой добавила:

— Ты действительно повзрослела. Теперь ты умеешь держать удар и способна сама вести дела.

Тяжесть на сердце Шан Ханьчжи мгновенно рассеялась, уступив место солнечному свету.

Жизнь, в которой всё получается само собой, продолжается!